

**МЕФДИИ
БУСЛАЕВ**

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Маг полуночи

Свиток желаний

Третий всадник мрака

Билет на Лысую Гору

Мечь валькирий

Тайная магия Депресняка

Лёд и пламя Тартара

Первый эйдос

Светлые крылья для темного стража

Лестница в Эдем

Карта хаоса

Ожерелье дриады

Стеклянный страж

Танец меча

Огненные врата

Книга семи дорог

Ладья света

Ошибка грифона

Самый лучший враг

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФФДИЙ БУСЛАЕВ

МАГ ПОЛУНОЧИ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Разработка серийного оформления
Владимира Безкровного

Иллюстрация на переплете *Евы Елфимовой*

Емец, Дмитрий.

Е60 Маг полуночи : [роман] / Дмитрий Емец. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с. — (Мефодий Буслаев. Легендарное детское фэнтези).

ISBN 978-5-699-89985-2

Мефодий Буслаев – вроде обычный парень, почти доживший до тринадцати лет, – однажды узнает, что должен стать величайшим черным магом. Но сеять зло вокруг ему совсем не нравится.

Дафна – вроде обычный страж Света. Но почему-то обожает нарушать правила и совершать мелкие пакости.

Только вместе они могут пройти лабиринт Храма Вечного Ристалища. То, с чем вернется Мефодий из Храма, и то, на чью сторону он встанет, решит исход великого противостояния сил Света и Тьмы.

Как, сделав выбор между Светом и Тьмой, остаться собой? На этот вопрос Мефодию придется искать ответ самому. Но ни Тьма, ни Свет сдаваться не собираются.

УДК 821.161.1-312.9-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89985-2

© Емец Д., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Он стоял, белый и непоколебимый, скорее рожденный, чем высеченный из единой скалы, возникший вдруг, в неведомом никогда, на той земле, где сходятся крайности, тьма становится светом, сила — слабостью, уродство — красотой, неподвижность — мудростью, где время не имеет силы, а ночь перетекает в день на берегах реки бесконечности, в пустыне застывших желаний и мертвых грез. Он стоял там, когда нашего мира не было, и останется стоять, когда его не будет. Даже посвященные не говорят о нем, ибо бесполезно говорить о том, что было всегда и что равнодушно к нашему вчера, сегодня и завтра. О том, для чего сон и явь, ночь и день, мужчина и женщина, ребенок и старик, жар и холод, жизнь и смерть — суть неразличимое одно.

Он — Храм Вечного Ристалища...

Тибидохс. Кабинет Сарданапала

*Через три года после рождения Тани Гроттер
и за семь лет до ее появления на о. Буяне*

В камине главы Тибидохса Сарданапала Черноморова пылал огонь. Питекантроп Тарарах на корточках сидел у камина и жарил шашлык, нанизанный на шпагу. Мясо вкусно скворчало и постреливало каплями жира.

— Оно, конечно, баранина ничего, да только все равно с мамонятиной какое сравнение — слезы одни! — ворчал Тарарах. — А на чем я жарю? Семь магов в школе, все головастые — жуть, один даже академик, и хоть бы кто удосужился нормальные шампуры наколдовать. Спасибо, я годков двести назад у маршала Даву шпажонку отобрал. Хорошая шпажонка — аккурат на двенадцать кусков.

Тарарах не преувеличивал. В кабинете академика действительно находились все семь тибидох-

Дмитрий Емец

ских преподавателей — сам Сарданапал, Великая Зуби, Ягге, Поклеп, Медузия, Соловей О. Разбойник и профессор Клопп. Причем находились по поводу, который никак нельзя было назвать приятным.

Усы Сарданапала безнадежно подрагивали. Их бунтующие кончики крепко держал на затылке золотой зажим. Это был верный признак, что глава школы Тибидохс настроен на серьезный лад.

— У меня две новости: плохая и омерзительная. С какой начать? — спросил академик.

— Сарданапал, пожалей старуху. Начни с плохой. Я заканчиваю вязать Ягунчику шапку. Если сейчас ошибусь — придется много распускать, — осторожно заметила Ягге, поднимая глаза от спиц.

— Но-но, не скромничай! Не старьте старых стариков, они моложе молодцов! Забыла, как заговаривать спицы, чтобы они вязали сами? — улыбнулась Великая Зуби.

— Мой Ягунчик не любит наколдованные шапки. Он говорит, что у него в них уши не помещаются, — возразила Ягге.

Маленький Ягун, живой как ртуть, был любимчиком бабуси и большой проблемой всего остального Тибидохса. На месте он не мог усидеть вообще. Пару раз его снимали с пылесоса на полдороге на Лысую Гору, а один раз нашли у Жутких Ворот, которые он пытался открыть гвоздиком, используя его как отмычку. Помешал пустяк: гвоздик оказался на сантиметр короче.

— Да, уши у Ягунчика редкостные. Не удивлюсь, если мальчишка будет хорошо играть в драконбол. Они позволят ему недурно планировать и закладывать крутые повороты, — кивнул Соловей О. Разбойник.

Сарданапал укоризненно кашлянул:

— Сегодня утром я закончил кое-какие расчеты. Через три дня, в пятом часу вечера, произойдет полное солнечное затмение. Оно продлится семь с половиной минут — астрономически максимально возможный срок для солнечного затмения. Здесь, на Буяне, мы ничего не увидим. Зато Москва полностью окажется в черной тени. От одной окраины до другой. На семь с половиной минут город провалится во Мрак...

Тарахах слизнул с пальцев жир и присмотрелся к мясу:

— В своей жизни я видел кучу затмений. И никогда ничего... Разве что как-то в палеолите бойкий парнишка из соседнего племени воспользовался паникой и стибрил у меня отличный каменный топор.

— Тарахах, затмение, о котором я говорю, не заурядное. О нем предупреждал еще Древнир. А Древнир не был склонен к пустой панике, — заметил Сарданапал.

— Насколько я понимаю, затмение — это и есть обещанная плохая новость. А теперь омерзительную. Я начинаю входить во вкус! — усмехнулась Медузия.

Дмитрий Емец

— Вот и она. Его назовут Мефодием Буслаевым. Он появится на свет спустя две минуты после того, как скроется солнце. Древнир не сомневался, что у мальчишки будет дар.

— Многие младенцы постучатся в дверь мира в эти семь с половиной минут. Возможно, дар будет у кого-то другого, — резонно возразила Медузия.

— Нет, Меди. Я убежден, что дар будет именно у него. Слишком много совпадений. Расположение звезд, место и время рождения, затмение и, главное, кровь. В роду у мальчишки было немало волшебников. В Средние века одну из его прапрапра сожгли на костре. Она насылала на своих соседей чуму взглядом и делала это чаще, чем требует обычная вежливость.

— А есть какая-то надежда, что Мефодий Буслаев не осознает своего дара? — осторожно спросила Медузия.

— Надежда умирает последней. Однако в данном случае она скончалась еще до появления мальчугана на свет, — мрачно пошутил академик.

Сарданапал встал и, не глядя ни на кого, стал прохаживаться по кабинету.

— Белые маги? Чудесно! Черные маги? Замечательно!.. Но мы забыли о тех, чьи силы во много раз превосходят нашу ворожбу и наши заклинания! О тех, кто древнее египетских пирамид! О стражах Мрака! О стражах Света! Вот кому нужен его дар! — убежденно произнес он.

— Но Сарданапал! Наверно, ты преувеличива-

ешь. Возможно, стражи Мрака ничего не знают о Мефодии Буслаеве, — осторожно сказала Великая Зуби.

Поклеп Поклепыч и профессор Клопп обменялись ироничными взглядами.

— Они знать о мальчишке все, если его дар стоить хотя бы один копейка! — пробурчал Клопп.

Зажим соскочил с усов Сарданапала, и они запрыгали, дирижируя невидимым оркестром.

— Да, профессор, да и еще раз да! Последние столетия все мы были преступно халатны! Волшебные книги, заклинания, драконбол, свары с древними божками, не желающими угомониться, — это и стало нашим миром. Но при этом... — тут академик снизил голос до шепота, — зачем обманывать себя? В день, когда родится мальчишка, проклятая пружина вновь начнет закручиваться, чтобы через тринадцать лет... Не хочу даже думать об этом.

— Стражи Мрака... — задумчиво сказала Медузия. — Представить только, что было время, когда я не видела разницы между магами и стражами. А потом поняла. Маги — белые ли, черные — не зависят от лопухоидов. Их мир существует отдельно, наш — отдельно. Мы не вмешиваемся в его историю и лишь стремимся, чтобы лопухоиды не узнали о нас. Совсем другое дело стражи Мрака. Им лопухоиды необходимы... Их мысли, их чувства, их эйдосы. Особенно эйдосы...

Поклеп мрачно посмотрел на нее:

Дмитрий Емец

— Точно, Медузия! Между простыми магами, такими как мы, и стражами Мрака чудовищная разница... Как между курами и индюками. Одни летают, а другие... других летают...

— Это потому, что мы, даже черные, такие как Клопп и Зуби, не подпитываемся силой эйдосов, — сказала доцент Горгонова.

— Если отбросить в сторону мораль, отказ от использования эйдосов имеет свои минусы. Дар каждого мага — белого или черного — задан изначально. Можно научиться владеть им, можно выучить несколько сотен заклинаний, но с годами сам дар не станет больше, разве что слегка отточится. Возьмите хоть наших учеников. Среди них есть сильные маги, а есть и такие, которые только и умеют что заставить табурет выбросить почки и зацвести. И таких мы тоже вынуждены брать! — хмыкнула Ягге.

— А кольцо? А артефакт? Разве они не усиливают дар? — наивно спросил Тарахах.

Соловей О. Разбойник рассмеялся:

— Усиливают. Но лишь до тех пор, пока ты ими владеешь. Артефакт — это как дубина у питекантропа. Делает ли она его сильнее?

— Еще как! Уж я-то знаю! Особенно если хорошая попадется. Вся гладкая, ровная, а на конце чтоб с утолщением. Сучок или там чего еще, — заверил его Тарахах. Глаза его затуманила ностальгия. — По мне, так: врежешь дубиной — мало не покажется. А при чем тут эйдосы? Что это вообще такое?

— Эйдосы — это то, что стражи Мрака стремятся заполнить в свои дархи, чтобы стать сильнее! — пояснила Великая Зуби.

Тарарах хмыкнул:

— Класс! Я тебя обожаю, Зуби! Ты умеешь все так понятно разложить по полочкам. Представь, я не знаю, что такое «мышь», и спрашиваю тебя. Ты отвечаешь: «Милый Тарарах, мышь ловят мышеловкой». — «А что такое мышеловка?» — спрашиваю я. «Мышеловка требуется для ловли мышей». Теперь я понимаю, почему твои ученики боятся твоих уроков до дрожи.

— Эйдос, за которым охотятся стражи Мрака, — это ядро, суть одухотворитель материи, билет в вечность, ключ к бессмертию, душа — то есть самое главное и важное, что есть у каждого лопухоида, у нас с вами и даже у Ягге, хоть она и богиня. У каждого только один эйдос, и это единственное, что нельзя подделать или скопировать с помощью магии. Лопухоид, потерявший жизнь и тело, но сохранивший эйдос, не теряет ничего. Но человек, утративший эйдос, теряет все, даже если его тело, разум и жизнь вне опасности, — пояснил Сарданапал.

— М-м-м... И как это выглядит? — спросил Тарарах.

— Да никак. Эйдос не имеет ни веса, ни формы. Или имеет. Маги спорят об этом уже несколько тысяч лет. Авессалом Приплюснутый считал, что эйдос — это невидимый драгоценный камень,

Дмитрий Емец

который в тысячу раз ценнее любого алмаза, даже самого крупного. Экриль Мудрый был уверен, что это второе, главное — сердце, которое управляет биением первого сердца. Гуго Хитрый туманно утверждал, что эйдос — это «то *есть*, которого *нет*». Другими словами, эйдоса не существует до тех пор, пока его существование не будет осознано каждой конкретной личностью. Только тогда он появляется. Однако большинство ученых, к которым относится и ваш покорный слуга, сходятся во мнении, что эйдос есть у каждого, вне зависимости от того, осознает он это или нет. Эйдос похож на маленькую голубоватую искру или песчинку. Эта искра имеет огромную, ни с чем не сравнимую силу, именно она приобщает нас к вечности и не оставляет после смерти в гниющей плоти. Эйдос — вечная частица бытия, часть Того, Кто создал нас словом. Его не уничтожит ни дивизия горгулий, ни атомный взрыв, ни гибель Вселенной — ничто. И такую силу имеет даже один эйдос!

Именно этим и промышляют стражи Мрака. Чем больше эйдосов в дархе каждого стража — тем больше его возможности и, следовательно, тем выше он стоит в иерархии среди своих. Стражей несколько не заботит, что вместе с эйдосом они отнимают у лопухоида вечность. Для них это предмет охоты — не более того.

— Они отнимают эйдосы силой?

— Силой эйдос отнять невозможно. Но эйдос можно отдать добровольно. Можно подарить, или

продать, или обменять на алмаз, на царство, на яблочный огрызок — кто во что его оценит. С этим уже ничего не поделаешь. За сотни лет миллионы лопухоидов уже расстались со своими эйдосами, перекочевавшими в дархи к стражам Мрака, — с грустью сказал Сарданапал.

— А стражи Света? Им эйдосы не нужны? — спросил питекантроп.

— Стражи Света призваны охранять эйдосы смертных, но не похищать их! Они не зачеркивают чужую вечность. Древнир, как он ни был велик, никогда не покушался ни на один эйдос. Хотя порой мне кажется, что он был не простым белым магом. Я думаю, что...

— ...он был одним из стражей Света? — закончил Поклеп.

— Возможно, — уклончиво ответил Сарданапал. — Стражи Света редко кричат о себе во всеуслышание. Они уважают свободу выбора и предпочитают роль наблюдателей.

— Но чем так опасен этот мальчишка, Сарданапал? Почему мы должны бояться Мефодия Буслаева?

Сарданапал сел за стол и, окунув в чернила гусяное перо, сделал на бумаге замысловатый росчерк:

— Что вы знаете о Древнире? Не как о мудрейшем маге, основателе Тибидохса, но как о человеке из плоти и крови? Немного, не правда ли?

— Очень немного. Он не любил смешивать де-

Дмитрий Емец

ла и частную жизнь. Да и вообще, когда я с ним познакомилась, он держался очень отстраненно. Мог пройти в полуметре от тебя и даже не заметить. Было похоже, что все его мысли где-то в астрале, — сказала Медузия.

Академик кивнул:

— Примерно так дело и обстояло. Особенно в последние годы, когда Древнир достиг такого прозрения, что видел и прошлое, и будущее. А когда одновременно видишь и прошлое, и будущее, на настоящее времени как-то не хватает. И ты, разумеется, не знала, что у Древнира был сын?

— Я — нет, — пожала плечами Медузия.

— А я знала. Но вот что с ним стало, мне неизвестно. Древнир никогда не упоминал об этом, — сказала Ягге.

— Это случилось осенней ночью в последний год магических войн, — начал рассказывать Сарданапал. — Мир так переполнился злом, что стал уже уставать. Древнир и его сын возвращались после какой-то встречи. Так случилось, что они вдвоем оказались в глухом лесу. И внезапно на них напали. Нежить и стражи Мрака окружили их сплошной стеной. Нельзя было ни телепортироваться, ни позвать на помощь, ни использовать заклинания — нападавшие все предусмотрели и запаслись сильными артефактами. Тогда Древнир глубоко вонзил свой меч в дерево. Магия его меча, магия дерева и магия земли, с которой дерево было связано корнями, объединились, и вокруг ство-

ла образовалось узкое кольцо света. Древнир и его сын стояли в сияющем круге, вокруг которого толпились нападавшие. Нежить суетилась, лезла друг на друга, давила передних, но не могла пробиться внутрь круга. Стражи Мрака были умнее. Они встали поодаль и, не пытаясь пробиться внутрь, спокойно стояли и ждали своего часа. Они знали, что внутрь круга им все равно не прорваться и самое мудрое — не расходовать понапрасну силы. Так прошло два дня и две ночи. Нежити становилось все больше. Она облепила круг со всех сторон, даже копошилась внизу, под землей. Стражи Мрака все еще были тут. Они спокойно сидели на земле и ждали. Тут были все лучшие их бойцы — горбун Лигул, мечник Арей, Хоорс и другие. Они надеялись, что их час наступит. Древнир с сыном спали по очереди, ломая голову, как подать сигнал и позвать на помощь остальные силы Света. И вот на третью ночь, уже перед рассветом, когда Древнир, дежуривший до того, заснул, мечник Арей оскорбил сына Древнира и бросил ему вызов. Арей поклялся нерушимой клятвой Мрака, что они будут биться один на один, и если сын Древнира победит, то его и отца отпустят. Сын Древнира, очень горячий и молодой, принял вызов. Он вытащил из дерева меч отца, не заметив, что его кончик обломился и остался в дереве, и сделал шаг из круга...

— И тут нежить набросилась на него? — взволнованно спросил Тарарах.

Дмитрий Емец

Забыв о шашлыке, горячий питекантроп взмахнул шпагой маршала Даву, забрызгав профессора Клоппа горячим жиром.

— Ви сбрендиль с ума! Ви метать в меня ваш скверны шашлик! — завизжал Клопп.

— Нет. Я думаю, что бой действительно был честным. Арею не было смысла нарушать клятву, да это и не в его правилах, — продолжал Сарданалпал. — Арей и сын Древнира рубились, уставший же Древнир спал внутри круга, ничего не видя и не слыша. Думаю, что его сон был усилен чарами магов Мрака. Сын Древнира хорошо владел клинком, но все же не так, как лучший меч стражей Мрака. Не прошло и минуты, как Арей обезглавил сына Древнира и пролил его кровь на землю... Нежить, почуяв кровь, совсем сорвалась с катушек. Она набросилась на спящего Древнира, но не смогла убить его — магический круг хотя и ослаб, но все же сохранился, ведь кончик меча остался в стволе дерева... Спустя день отряд белых магов, обшарив все окрестности, нашел Древнира. Я тоже был там, в том отряде. Древнир все еще находился во власти сонных чар. Никого из серьезных стражей Мрака там уже не было. А нежить довольно быстро разогнали, и она, урча, расползлась по норам и оврагам... Древнир сам похоронил то, что нежить оставила от его сына. В полном одиночестве вырыл могилу кинжалом.

— Я ничего не знала. Странно, что об этом никогда не говорили, — сказала Медузия.

— Об этом знали только самые близкие ученики и друзья Древнира. Он взял с нас клятву молчать. Я не нарушил бы ее и сейчас, если бы не видел в этом острой необходимости, — сказал Сарданапал.

— Действительно, при чем тут сын Древнира и этот мальчишка, Буслаев? Что их связывает? — поправляя очки, спросила Зубодериха.

Академик с укором посмотрел на нее:

— Ты спешишь, Зуби. Связи магического мира слишком сложны, чтобы их можно было постичь поверхностным взглядом. Меч Древнира пропал. Его поднял с земли и унес горбун Лигул, бывший там с Ареем. Этот Лигул, некогда близкий друг Арея, уже тогда начинал завидовать ему и мало-помалу стал лютым врагом. Но и другом в какой-то мере он остался тоже. Есть такая вариация на тему человека, называется «заклятый друг». Какое-то время спустя Лигул нашел способ, как сделать сильнейший артефакт Света артефактом Тьмы. Для этого он провел меч Древнира через множество преобразений, в каждом новом преобразении делая его чуть хуже и темнее, чем он был раньше. Однако это происходило так постепенно, что сам меч не замечал перемен. Он побывал и копьем, и огненным хлыстом, и стремением, и кольцом, и черным кинжалом. Во всех своих воплощениях он сеял смерть и унес множество жизней. Но эти превращения артефакта были лишь частью пути. В финале он вновь станет

Дмитрий Емец

мечом Древнира, но мечом, превратившимся в свою противоположность. Мечом Тьмы... Не знаю, прошел ли меч все преобразования и у кого он теперь. Не исключено, что все еще у Лигула. Уж не надеется ли горбун с его помощью попасть в Храм Вечного Ристалища, расположенный в Срединных землях между Эдемом, где обитают стражи Света, и Аидом, где находится Канцелярия стражей Мрака? Да только едва ли даже мечу Древнира это по силам.

— Храм Вечного Ристалища... Храм, над которым не имеют власти ни Свет, ни Тьма... Храм настолько древний, что все цивилизации Земли лишь песок у его подножия, — мечтательно повторила Ягге. — Как же, как же, бывала я там. Безумно давно. Тибидохса тогда не было и в помине, а Буян только высунул свою макушку из вод океана... Срединные земли, где-то между Эдемом и Аидом! Глупый лопухоид, вздумавший найти их на глобусе, только испортил бы зрение, а между тем Срединные земли гораздо реальнее, чем все их континенты. Вообразите огромную равнину — белый от солнца песок, сероватые островки почвы с дюжиной чахлах деревьев и камни, которые торчат из земли под немислимыми углами. Камни стоят тесно, словно образуя коридор. Идешь между камнями как по спирали — полетной магии там нет, — и внезапно взгляд натывается на колонны. И ты понимаешь, что перед тобой нечто более древнее, чем магия, древнее и мудрее, чем

даже Свет и Тьма. Нечто такое, над чем никто из ныне живущих не имеет власти.

— Как египетские пирамиды? — спросил Соловей О. Разбойник. Он, хоть и отлично играл в драконбол, путешествовал мало, а в прежние годы и вовсе безвылазно сидел в родной Мордовии, подкарауливая в лесах мимохожих-мимоезжих.

Ягге поморщилась:

— Египетские пирамиды в сравнении с Храмом Вечного Ристалища — это так, больная фантазия на тему вертикального гробика... Ты идешь еще несколько часов, а Храм все не приближается — или приближается так медленно, что ты этого не замечаешь. А потом вдруг — не менее внезапно — ты оказываешься рядом. Двери Храма всегда распахнуты. Ты можешь подойти совсем близко и увидеть пол — черные и белые мраморные квадраты. С другой стороны видна еще дверь, она чуть приоткрыта, но не настолько, чтобы можно было увидеть, что за ней. А искушение велико. Тебя охватывает уверенность, что там, с другой стороны, лежит что-то безумно важное, нечто такое, перед чем тускнеют все наличествующие и утраченные артефакты... Нечто такое, ради чего те, кто жил до Мрака и Света, те, для кого магия была естественна как дыхание, и построили этот колоссальный Храм.

— А нельзя просто подойти и заглянуть? Или использовать удаленное зрение? — спросила Медузия.

Дмитрий Емец

Спицы в руках у Ягге описали укоризненный полукруг.

— Медузия, дорогая, хоть это и случилось безумно давно, но я уже тогда была далеко не наивная девочка и знала о магии достаточно. Какие только варианты я не перепробовала! Телепортация, полет, все виды зрения, дистанционная интуиция... Бесполезно.

— Ты не смочь, а Мефодий Буслаев сумеет? — надувая щеки, спросил профессор Клопп.

Сарданапал сострадательно посмотрел на его крысиную жилетку:

— Возможно, Зиги... Все возможно. Мефодий Буслаев, который ощутит свой темный дар, получит плащ, пройдет в день своего тринадцатилетия лабиринт мраморных плит, войдет в приоткрытую дверь и, взяв то, что оставлено там древними, передаст это стражам Мрака. Относительное равновесие между Светом и Мраком будет нарушено. Мрак разом прорвется из всех щелей, как вода прорывается сквозь гнилое днище корабля. Тысячи эйдосов, которые ныне защищает Свет, будут похищены Мраком. От того, сумеет ли Мефодий Буслаев совладать с той Тьмой, что изначально заложена в нем, зависит все.

Огонь в камине полыхнул и погас. Тяжелые бархатные шторы надулись при полном безветрии, как корабельные паруса. Две древние черномagicеские книги в клетке заметались и, внезапно

обратившись в пепел, осыпались сквозь прутья на ковер.

Ягге подняла глаза от спиц.

— Ну вот, так я и знала!.. Петля сорвалась. А я ведь почти закончила, — сказала она с сожалением.

— Мефодий Буслаев! Он еще не родился, а Мрак уже предчувствует его рождение, — произнесла Медузия.

— Мефодий Буслаев... Мы будем пытаться как-то повлиять на него? Выйти с ним на контакт? Взять, наконец, в Тибидохс? — хрипло спросила Великая Зуби.

Борода Сарданапала сделала волнообразное движение.

— Ты что, Зуби? Этого мальчишку — и в Тибидохс? С его-то даром? Нет, дорога в Тибидохс ему навсегда заказана. Мы даже не сможем вмешаться, ибо дела Света и Мрака неподвластны нам, элементарным магам. Мы будем наблюдать за мальчишкой издали — не более. В таких делах любой осторожности будет мало... И запомните: никто в Тибидохсе, кроме нас с вами, не должен ничего знать о Мефодии! НИ ОДИН УЧЕНИК! В ближайшие двенадцать лет во всяком случае! Я требую, я настаиваю, я, наконец, приказываю, чтобы все принесли клятву!

— Сарданапал, а какой именно дар у мальчишки? Я знаю, что темный, но как он проявится на

Дмитрий Емец

этот раз? — спросил Тарарах. — Ведь формы его бесконечны!

Глава Тибидохса устремил на питекантропа пылкий малоазийский взор:

— Точно не знаю, Тарарах. Я могу лишь догадываться. И если это то, о чем я думаю, то это ужасно. Так ужасно, что я предпочту умолчать. А теперь клянитесь! Ну же! Я хочу, чтобы вы все произнесли *«Разрази громус!»*

Полыхнуло несколько искр — красных и зеленых. Поклеп, Медузия, Ягге, Великая Зуби, профессор Клопп... Сарданапал, внимательно следивший, чтобы поклялись все без исключения, выпустил искру последним. Тарарах, не имевший перстня, обошелся без искры, ограничившись простым произнесением клятвы.

Золотой сфинкс на дверях кабинета поджал лапы и уподобился мокрому несчастному котенку.

Множество *«Разрази громусов»* в одном кабинете за какую-то минуту — это было слишком даже для видавшего виды сфинкса.

Глава 1

ЛУННОЕ ОТРАЖЕНИЕ

Эдуард Хаврон аккуратно выдавил на щеке угорь и, отойдя на шаг, залюбовался своей мускулатурой. Он стоял перед зеркалом голый по пояс

и инспектировал сам себя, как врач из военкомата инспектирует призывника.

— Ну разве я не атлет? Разве не красавец? Просто сам бы в себя влюбился, да на работу топтать надо! — сказал он самодовольно.

— Эдя, не втягивай живот! — крикнула из комнаты Зозо Буслаева.

Она и через две двери видела все фокусы своего брата.

— При чем тут живот? Это у меня такое выпуклое солнечное сплетение. И вообще под пиджаком не видно, — оскорбился Эдя, однако настроение было испорчено. Ох уж эти родные сестры! От них приходится терпеть такое, за что любого постороннего утопил бы, как Герасим Муму.

Тщательно почистив свои двадцать восемь зубов — согласно статистике, тридцать два зуба наличествуют лишь у трети человечества и в воображении писателей, обожающих без разбору наделять своих героев избыточной мудростью, — Эдуард Хаврон направился в единственную комнату их квартирки. Квартирка затерялась так далеко на окраинах Москвы, что порой казалось, будто Москвы вообще не существует. Зато МКАД с ее бесконечными машинами была видна из окна как на ладони. Недаром они жили на самом верхнем, шестнадцатом этаже.

Комната была разгорожена стоявшим боком шкафом как ширмой на две неравные части. В одной — большей — части обитала Зозо Буслаева

Дмитрий Емец

(до всех замужеств — Хаврон) с сыном Мефодием. В другой — в меру великолепный Эдя со своими семью парадными костюмами, двенадцатью парами начищенной до блеска обуви и штангой, на которой ночами уныло позванивали два блина по двадцать килограммов.

Когда Эдя Хаврон вошел в комнату, Зозо меланхолично пролистывала журнальчик брачных объявлений, изредка обводя самое интересное фломастером.

По паспорту Зозо Буслаева была Зоя. Однако свой паспорт Зозо не любила — его странички содержали слишком много лишней информации. По мнению хозяйки, вполне достаточно, если бы там просто значилось: Зозо. Мило, коротко, со вкусом и дает простор воображению.

Ее сын Мефодий сидел за столом и уже минут сорок угрюмо симулировал написание сочинения по литературе. Пока что он породил только одну фразу: «По моему мнению, книги бывают нормальные и не очень». На этом его творческий пыл иссяк, и теперь Мефодий глухо маялся.

Задумчиво потоптавшись посреди комнаты, Эдя Хаврон отправился к себе за шкаф и стал одеваться, придиричиво разглядывая рубашки и даже зачем-то нюхая некоторые из них под мышками.

Мефодий находил, что его родной дядя похож на обезьяну. Волосы были у Эди даже на шее. Оттуда они змейкой сбегали вниз и в районе груди переходили в неухоженную рыжеватую лужайку.

Кроме того, с точки зрения того же Мефодия, Эдуард Хаврон был жутко старым. Ему было двадцать девять лет. К сожалению, несмотря на дряхлость, в дом престарелых Эдю пока не брали. Поэтому бедняге приходилось трудиться официантом в модном ресторане «Дамские пальчики». В свободное время несостоявшийся пенсионер ухлестывал за посетительницами своего заведения, предпочитая состоявшихся богатых дам с выраженным материнским инстинктом.

«Если я в старости буду таким, как Эдя, то выпрыгну в окно!» — решил Мефодий. Он захлопнул тетрадь с сочинением и без всякого вдохновения придвинул к себе учебник по химии. День шел как-то криво.

Зозо Буслаева раздраженно куснула фломастер и, пририсовав одной из фотографий рога, украсила ее дюжиной прыщей.

— Нет, вы посмотрите, какой хам! Я бы таких убивала на месте! Что он пишет! «Дама с квартирой и машиной, спою серенаду на твоём балконе! Твой пупсик. Возраст — 52 г. Вес — 112 кг. Звонить с 21 до 22 в ресторан «Пчелка» на Цветном. Спросить Виктора!» — воскликнула она с негодованием.

— Знаю я эту «Пчелку». Гаденький такой полуподвальчик. Последний раз они мыли стаканы в день открытия. С тех пор стаканы стерилизуются только тогда, когда в них оказывается водка... — капризно сказал Эдя.

Дмитрий Емец

— Ты закончил? — спросила Зозо. Она была в курсе, что Эдя обожает ругать чужие рестораны.

— Нет, не закончил! И цены у них в «Пчелке» не круглые. Что это за цена? Шестьдесят два пятьдесят или сто семь восемьдесят? Какой дурак это все будет складывать? Чем выше класс заведения — тем круглее цены. Клиенту проще настроиться на великодушие — а тут он машинально достаёт калькулятор, машинально начинает считать и в результате жадничает! — сказал голос из-за шкафа.

Зозо зевнула.

Мефодий повертел в руках учебник по химии, отодвинул его и, прислушиваясь к своему внутреннему состоянию, потрогал пальцем учебник по истории. Потрогал очень осторожно и снова прислушался к своим ощущениям. Нет, снова не то... Ни одна струна в душе не дрогнула. Ни желания, ни даже полужелания чем-либо заниматься. Да что же сегодня такое!

— Интересно, псих весом сто двенадцать килограммов мог бы обрушить балкон? — спросил он.

— У нас нет балкона! — сказала Зозо.

— И машины тоже нет! Иначе бы мне не приходилось вечно ловить такси. У меня есть только мобильник, куча одежды и честное благородное сердце! — добавил Эдя.

— Что-что у тебя с сердцем? Ты что-то сказал? — рассеянно переспросила Зозо.

— Я сказал, что все меня достали. Особенно твой лоботряс со своими фокусами! — обиделся Эдя.

Он наконец определился с рубашкой и появился из-за шкафа. Теперь, чтобы окончательно стать официантом, ему не хватало только бабочки. Но ее он обычно цеплял уже на работе.

— Мой лоботряс? Какие у тебя претензии к Мефодию? — напряглась Зозо.

— Он знает какие! Мои претензии большие, как кит, и серьезные, как бандитская крыша!

Эдуард неожиданно наклонился и крепко взял Мефодия за ухо:

— Слушай сюда, жертва нетрезвой акушерки! Еще раз выгребешь у меня из кошелька мелочь — я тебя порву как грелку, и мне ничего не будет! У меня белый билет! — ласково обратился он к нему, скаля мелкие, как у хорька, зубы.

Эдуард Хаврон был просто патологический жмот. Порой Эдю совсем переклинивало и он даже на туалетной бумаге начинал проводить фло-мастером линию, ставя рядом с ней свою подпись. К счастью, это бывало не чаще чем два в год, когда он проигрывался в карты или на игровых автоматах.

— Я не брал, — сказал Мефодий.

— Ты не думай, что я дурачок. Я только в профиль дурачок!.. На сколько кнопок был застегнут мой бумажник сегодня утром? На две! А я всегда застегиваю его только на одну! И никогда не за-

Дмитрий Емец

крываю до самого конца молнию в отделении для мелочи!

— Сам следи за своими кнопками! Мам, твой родственник меня убивает! Я буду одноухий и... ай... уродливый! — сообщил Мефодий, морщась от боли. Дядя очень больно впивался в ухо ногтями. Возможно, белый билет ему дали на законном основании, хотя и взяли за него триста баксов.

«Вот я осел! Вторая кнопка! Надо же было засыпаться на таком пустяке!» — подумал Мефодий. Ногти на ухе сомкнулись как клещи.

— Ты все понял, малявка? Как насчет дубля? — прошипел Эдя.

— Ай! Отстань, олух!.. Купи себе надувного дедушку! — огрызнулся Мефодий.

— Что ты пропищал? А ну повтори! Повтори, кому говорят! — вскипел Хаврон.

— Мальчики, мальчики! — примирительно захлопотала Зозо. — Может, бросим ссориться из-за пустяков? Ну что, пишу пис и все такое прочее?

Хаврон неохотно выпустил ухо племянника.

— Пишу пис! Только пусть зарубит себе на носу: еще раз поймаю — порву! — повторил он.

— В другой раз фигли ты меня поймашь! — вполголоса сказал Мефодий.

К счастью для него, Эдя уже не слушал. Впрыгнув в одну из пар своих любимых ботинок, он смахнул с них щеткой невидимые миру пылинки и устремился в большой город на ловлю чаевых и удачи.

* * *

Мефодий с матерью остались в квартире одни.

Зозо Буслаева отложила журнал и задумчиво посмотрела на сына. Обычный двенадцатилетний подросток — во всяком случае, выглядит обычным. Худой, с узкими плечами. Ростом тоже не отличается. В строю на физкультуре среди пятнадцати мальчишек своего класса стоит девятым. Зато как будто ловкий. В футбол играет хорошо, бегаёт неплохо. Когда надо залезть на канат — тут он вообще первый. К сожалению, стоять девятым в строю приходится чаще, чем забираться на канат.

А внешне... внешне, пожалуй, не без изюминки. Сколотый на треть край переднего зуба, длинные русые волосы, схваченные сзади в хвост. Уникальность этих волос состоит в том, что Мефодия не стригли ни разу с момента рождения. Вначале этого не делала сама Зозо, потому что ребенок брыкался, отбивался и кричал как резаный, а затем подросток Мефодий стал утверждать, что ему больно, когда ножницы касаются волос. Было ли это правдой или нет, Зозо не знала, но однажды, лет пять назад, когда она попыталась выстричь прилипший к волосам сына кусок пластилина, то увидела на ножницах неизвестно откуда взявшуюся кровь.

Зозо Буслаева панически боялась вида крови. Это осталось у нее с детства, когда, порезав кухонным ножом руку, она решила, что истекает

Дмитрий Емец

кровью. Родителей дома не было. Растерявшаяся Зойка забилась в шкаф и, скуля от ужаса, переживая в своем воображении сотни агоний, просидела там полтора часа, пока не вернулась мать и не распахнула всхлипывающую дверцу. Порез оказался пустячным, однако ужас никуда не ушел и, один раз поселившись, устроился на постоянное жительство. Вот и тогда, пытаясь отстричь Мефодию прядь с пластилином, Зозо услышала тот ужасный гулкий и настойчивый звук, который бывает, когда что-то капает на линолеум. Зажмурившись, она стояла посреди кухни и ощущала, как кровь заливает ей шерстяные носки. Когда, переборов себя, Зозо все же открыла глаза — ножницы были совершенно сухими, если не считать маленького бурого пятнышка.

Кроме волос, было в Мефодии еще нечто, что никак не вписывалось в схему, именуемую «двенадцатилетний подросток». И это были глаза. Раскосые, не совсем симметричные и совершенно неопределенного цвета. Кто-то считал, что они серые, кто-то — что зеленые, кто-то — что черные, а пара человек готовы были под присягой поклясться, что они голубые. В действительности же цвет их менялся в зависимости от освещения и настроения самого Мефодия.

Порой, особенно когда сын начинал злиться или бывал чем-то взволнован, Зозо — если ей случалось оказаться рядом — ощущала странное головокружение и слабость. Ей чудилось, что она

бесконечно опускается на лифте в черную узкую шахту. Она почти наяву видела этот лифт с тусклыми лампами, плоскими железными кнопками и жирной надписью маркером «Добро пожаловать во Мрак!». Видела и все никак не могла стряхнуть наваждение.

Самое большое потрясение она испытала, когда Мефодий был еще ребенком. Тогда его сильно напугала собака. Это была глупая овчарка, которая обожала молча, даже без рычания, бросаться на людей и, не кусая, сбивать их с ног лапами. На некоторое время овчарка нависала над человеком, сея ужас и наслаждаясь произведенным эффектом, а после убегала. Однако трехлетний Мефодий этого не знал. В его представлении пес напал всерьез. Растерявшаяся Зозо даже не *услышала*, как Мефодий закричал. Она только *поняла*, что ее сын крикнул и впился в собаку взглядом. Овчарка добежала до Мефодия, сбила его с ног, а затем вдруг сама с какой-то нелепой комичностью опрокинулась на бок да так и осталась лежать с ниткой слюны, поблескивающей на клыках. Как потом говорили во дворе, у овчарки неожиданно случился разрыв сердца.

Зозо после долго не могла прийти в себя. Она не в состоянии была забыть темное пламя, вспыхнувшее на миг в глазах сына. Это было нечто, что невозможно описать, чему не подходят банальные слова, вроде «свечение», «языки пламени», «огненные струи» и так далее. Просто в зрачке поя-

Дмитрий Емец

вилось нечто, о чем даже она, мать, не могла вспоминать без содрогания.

Но в конце концов Зозо выбросила все из головы. На свое счастье, она была особой легкомысленной. Она постоянно пыталась устроить свою личную жизнь, и это отнимало у нее все время и все силы. Мефодий знал только, что вначале был папа Игорь. Потом жизнь скатала папу Игоря в коврик и куда-то его утащила. Теперь он появлялся раз в два-три года, лысеющий, побитый молью и судьбой, приносил букетик в три гвоздики жене, китайский пистолет сыну и хвалился, что у него все хорошо — новая жена и фирма, занимающаяся ремонтом стиральных машин. Однако Эдя Хаврон, все про всех знавший, утверждал, что дела у папы Игоря идут не блестяще и ремонтом стиральных машин занимается не его фирма, а он сам. Иногда же Эдя Хаврон клеймил господина Буслаева-старшего нехорошими словами «пэ-бэ-о-юл недоделанный».

После папы Игоря в судьбе Зозо и Мефодия были дядя Леша, дядя Толя и дядя Иннокентий Маркович. Дядя Иннокентий Маркович задержался надолго, почти на два года, и доставал Мефодия своими придирадками. Заставлял вешать брюки по стрелочке, самому стирать носки и называть его по имени-отчеству. Потом дядя Маркович куда-то испарился, а остальных дядей Мефодий уже не запоминал, чтобы сильно не перегружать свою юную память.

«Забьешь клетки башки всякой ерундой, а потом на уроки места не хватит!» — рассуждал он.

Зозо Буслаева почесала лоб. Она смутно ощущала, что случившееся нельзя оставлять так просто. То, что Мефодий залез в кошелек к Эде, крайне серьезно. Она, как мать и как женщина, должна теперь замутить что-нибудь педагогическое в духе того, что завещал мудрый Макаренко. Наказать, что ли, или, во всяком случае, быть строгой. Вот только беда, Зозо не совсем представляла, как это — быть строгой. Она по жизни была разгильдяйкой.

— Гм... Сын, я хочу поговорить с тобой! Ты не будешь больше брать у Эди деньги? — спросила она.

— Знаешь, сколько я у него взял? Десять рублей и еще пятьдесят копеек! Мне не хватало, чтобы доехать до школы на маршрутке. На автобусе я не успевал, потому что проспал, — неохотно сказал Мефодий.

— А почему у меня не попросил?

— Тебя не было. Ты знакомилась с тем немцем, который оказался турком и назначил тебе свидание в восемь утра в метро, — сказал Мефодий.

Зозо слегка покраснела:

— Не смей так говорить с матерью! Я сама так захотела!.. А словами у Эди нельзя было попросить? Разве бы он не дал?

Мефодий хмыкнул:

Дмитрий Емец

— У нашего Эди? Словами? У него кирпичом надо просить, а не словами. Он бы тысячу лекций прочитал. Типа: «Я сам вкалывал с семи лет в поте физиономии, и никто мне ничего не давал. А тебе уже почти тринадцать, а ты бездельник, даун и дурак. Тайком куришь, и вообще, иди пожуй хлебушек».

Зозо Буслаева вздохнула и сдалась. Ее братец действительно рано начал проявлять деловую смекалку. В семь не в семь, а в семнадцать лет он уже торговал на Воробьевых горах матрешками и буденновками, за что его не раз били нехорошие конкуренты. Правда, вскоре Эде надоело торчать под открытым небом, ловя насморки и ветры. Прележав три недели на обследовании в психушке, он откосил от армии и устроился в ресторан. Его широкие плечи и страстный взгляд патентованного шизофреника, коронованного соответствующим билетом, рождали у посетительниц «Дамских пальчиков» нездоровый аппетит и желание повторить двойной кофе с ликером.

— Меф, — подытожила Зозо, — возможно, ты прав и Эдя зануда, но обещай мне, что никогда больше...

— Никогда так никогда! Буду ездить в школу на выхлопной трубе маршрутки! — пообещал Мефодий.

Зозо вздохнула и пошла было на кухню, но внезапно какая-то запоздалая мысль нагнала ее и легонько толкнула в спину. Зозо остановилась.

— Сынуля, сегодня вечером ко мне в гости заскочит один... э-э... человек... Ты не хотел бы куда-нибудь сходить? Например, к Ире, — предложила она с видом кошки, которая роется лапкой в лотке с песком.

— И не болтаться под ногами? — понимающе уточнил Мефодий.

Зозо задумалась. Когда борешься за свою судьбу и пытаешься устроить жизнь, двенадцатилетний сын — это уже компромат почище паспорта.

— Что-то вроде того. Не торчать в кухне, не булькать в ванной, не заходить каждую минуту за всякой ерундой и не болтаться под ногами. Вот именно! — решительно повторила Зозо.

Мефодий задумался, прикидывая, что можно выторговать в обмен.

— А как насчет моего огромного желания делать уроки? Скоро конец четверти. Я официально предупреждаю, что нахватаю вагон годовых троек, — заявил он.

Вообще-то он их уже нахватал, но теперь появился прекрасный случай найти другого виноватого. Упускать его было бы грех.

— Это наглый шантаж! Может, ты сделаешь уроки сейчас? До вечера еще полно времени, — беспомощно сказала Зозо.

Мефодию почудилось на миг, что он увидел слабое сиреневое свечение, которое Зозо выбросила в пространство. Бледнея, свечение стало распространяться к границе комнаты, как капля

Дмитрий Емец

краски на мокрой бумаге. Мефодий привычно, не отдавая себе отчета в том, что делает, впитал его как губка и понял: мать сдалась.

— Нет. Сейчас у меня нет вдохновения делать уроки. Мой звездный час наступает именно вечером. Днем я не в теме, — помотал он головой.

Самое смешное, что это было правдой. Чем ближе к ночи, тем четче начинал работать его мозг. Зрение становилось острее, а желание спать, столь сильное утром на первых уроках и днем, исчезало вовсе. Порой он жалел, что занятия в школе начинаются не с закатом и идут не до рассвета. Зато утром он бывал обычно вял, соображал плохо, а ходил вообще на автопилоте.

Без десяти восемь Зозо решительно выпроводила Мефодия из квартиры.

— Иди к Ирке и сиди у нее! Я тебе позвоню, когда дядя уйдет! — сказала она, целуя его в щеку.

— Ага. Ну все, пока! — сказал Мефодий. Он уже мысленно ушел.

— Я тебя люблю! — крикнула Зозо и, захлопнув дверь, кинулась приводить себя в порядок. Она была сосредоточенна, как полководец перед главной в жизни битвой. За следующие десять минут ей предстояло помолодеть на десять лет.

Мефодий некоторое время бесцельно потолкался на площадке, а затем вызвал лифт и спустился. Выходя из подъезда, он увидел, как из припаркованного у дома автомобиля выбирается неприятный экземпляр мужского пола с большим букетом

роз и бутылкой шампанского, которую держал с той осторожностью, с какой ополченец подает к орудию снаряд. Хотя теоретически тип мог идти в гости в другую квартиру, Мефодий мгновенно сообразил, что это новый поклонник Зозо. Это не было даже предположением. Просто он знал это, и все. Знал на все сто процентов, как если бы на лбу у мужчины была табличка «Я иду к Зозо! Я ее типаж!». Приземистый, с сизой щетиной, двойным подбородком и почти без шеи, новый дядя походил на кабанчика, по недоразумению или в результате генетического сбоя родившегося человеком.

Мефодий застыл, разглядывая его. Он даже не сообразил отойти от двери подъезда.

— Чё встал? Не торчи тут, парень! Брысь! — сказал экземпляр мужского пола, сделав тщетную попытку обойти Мефодия с фланга.

— Это вы мне? — с ненавистью спросил Мефодий.

— Тебе. А теперь пошел отсюда! Отвали! — рывкнул экземпляр и, бесцеремонно оттолкнув Мефодия, протиснулся в подъезд, дверь которого еще не успела закрыться.

Мефодий спокойно проводил его взглядом. Потом отыскал ржавый гвоздь, подошел к автомобилю, огляделся и тщательно вставил его кончик в протектор задней шины с тем расчетом, что, когда машина тронется, гвоздь войдет глубже и проткнет ее. Некоторое время Мефодий созерцал свою работу, испытывая чувство творческого неудовлет-

Дмитрий Емец

ворения. Одного гвоздя ему показалось мало. Он нашел доньшко от бутылки и поселил его под передней правой шиной, а на выхлопную трубу надел шарик и прикрутил его проволокой. Жаль, что его не окажется рядом, когда шарик начнет раздуваться, а потом лопнет. Ну да ничего — пусть кто-нибудь другой насладится этим зрелищем.

— Это ты не болтайся у меня под ногами! Понял? — сказал Мефодий, обращаясь к машине.

Он не испытывал ни малейших угрызений совести. Никто не просил этого заплывшего жиром борова приезжать к его матери с веником роз.

* * *

Северный бульвар медленно погружался в объятия вечера. Его каменные бока окутывались тенями, а угловой дом загадочно смялся и отодвинулся вглубь. Пропорции шалили. Внезапный порыв ветра хлестнул Мефодия по лицу смятой газетой. За газетой, азартно подпрыгивая и пытаясь ее догнать, прокатилась пустая пивная банка. Почему-то это простое событие показалось Мефодию страшно важным.

«Если первой на дорогу выкатится банка, мать прогонит этого типа!» — быстро загадал он, кидаясь за ними следом. Но, увы... первой на проезжую часть вырвалась и тотчас же попала под грузовик газета. Банка выкатилась за ней следом и разделила ее трагическую судьбу.

— Свинство! Не прогонит! Разве что сам убе-
рется! — буркнул Мефодий.

Он с таким раздражением уставился на газету, что... нет, разумеется, ему это только померещи-
лось. Газета не могла вспыхнуть без всякого по-
вода. К тому же ее сразу умчал ветер, так что ни о
чем нельзя было говорить наверняка.

Мефодий выбросил всю эту ерунду из головы.
Он перебежал дорогу, перемахнул через чугунное
ограждение бульвара и направился к Ирке.

Ирка была его хорошим другом — именно дру-
гом. Слово «подруга» рождает у нездоровых лю-
дей нездоровые ассоциации, слова же «знакомая»
или «приятельница» отдают чем-то тухлым. Так
говорят о тех, в ком не уверены. Ирка же была
Другом, именно так, с большой буквы.

Ирка жила в соседнем доме, и к ней можно
было заявиться — что особенно, согласитесь, цен-
но — в любое время суток и без звонка. Даже ча-
сов в двенадцать ночи, поскольку жила Ирка на
втором этаже, а жильцы первого были так любез-
ны, что отгородились от мира очень удобной фи-
гурной решеткой.

Бабушка Ирки не чинила ей никаких препятст-
вий. Она так обожала внучку, что для нее каждое
Иркино желание было даже не законом, а прика-
зом по подразделению. Родители же... Но об этом
чуть ниже.

Было еще не так поздно. В окне за лоджией пер-
вого этажа горел свет. Сквозь незадернутые што-

Дмитрий Емец

ры было видно, как усатая женщина гренадерского сложения что-то переставляет на полках шкафа. По этой причине Мефодий решил воспользоваться самым скучным способом появления в гостях из всех существующих, а именно — сделать это через дверь. Крайне неприятно, когда тебя сталкивают, тыча шваброй через фигурную решетку.

Поднявшись на второй этаж, он позвонил и почти сразу услышал, как в коридоре зашуршали шины. Это было даже не шуршание, а легкий, но отчетливый звук не до конца надутых резиновых покрышек, которые на мгновение прилипают к линолеуму.

— Ир, это я, Меф! — крикнул Мефодий, чтобы не заставлять Ирку смотреть в глазок.

Замок щелкнул, дверь открылась. Мефодий увидел темный коридор и яркое желтое пятно света, пробивавшееся из открытой настежь двери комнаты. В световом пятне стояла инвалидная коляска с небольшой ссутулившейся в ней фигуркой, на ноги которой был брошен плед.

— Привет! Забегай! — пригласила Ирка.

Она ловко развернулась в узком коридоре и нырнула в свою комнату. Мефодий последовал за ней. Комната Ирки отличалась от остальных комнат уже тем, что в ней не было ни одного стула. Вдоль стен на разной высоте тянулись блестящие металлические поручни. Ирка ненавидела звать бабушку, когда нужно было перебраться в кресло или, наоборот, выбраться из него.

У окна мерцал монитор компьютера. До прихода Мефодия Ирка сидела в чате. Разложенный диван был завален книгами и журналами. Ирка вечно читала по двадцать книг сразу, не считая учебников. Причем читала не последовательно, а кусками из разных мест. Странно, что при таком хаотическом чтении книги не перемешивались у нее в голове.

— Что ты стоишь, как одинокий тушканчик? Разгреби себе место и садись! А я сейчас! Только скажу народу, что меня нету, — сказала Ирка, кивая на кровать.

Она подъехала к компьютеру и быстро набрала:

Все брысь! Ушла на фронт! Я

— Ну вот, вежливость прежде всего! А то народ будет думать, что меня похитили, — сказала она, поворачиваясь к Мефодию.

Тот было сел на кровать, но ему почему-то не сиделось. В поясничном отделе его позвоночника словно работал вечный двигатель.

— Пошли лучше на кухню. Я бы чего-нибудь перекусил, — сказал он.

Ирка фыркнула:

— Ни фига себе заявленьице! Ну это уже к Бабане. Я знаю о холодильнике только то, что его дверца открывается на себя.

— Ну что, пошли? — повторил Мефодий.

— Это ты «пошли», а я «поехали». Я же гоночная машина, — заявила Ирка.

Дмитрий Емец

Мефодий давно заметил, что Ирка, как многие инвалиды, обожает шутить над собой и своим креслом. Но когда кто-то другой пытается острить по этому же поводу — ее чувство юмора иссякает на глазах. Она протянула руку к пульту, и коляска быстро покатила по коридору на кухню. Мефодий едва успевал за ней. Все-таки колесо всегда даст фору ногам — разумеется, если по дороге не попадет забор.

Все случилось восемь лет назад. Ирке тогда было четыре. Автомобиль, на котором Ирка и ее родители возвращались с дачи, выкинуло на встречную полосу под рейсовый автобус. Отец и мать Ирки, ехавшие на передних сиденьях, погибли. Ирка же с травмой позвоночника и двумя длинными, почти параллельными шрамами от двух кусков железа, рассекших спину от левого плеча, оказалась в инвалидной коляске. Ирке еще повезло, что у нее была энергичная и довольно молодая бабушка. Хотя в этом случае о везении лучше вообще не заикаться. За такие рассуждения можно было схлопотать в глаз маникюрными ножницами.

В кухне грохотал «Нотр-Дам». Бабушка Аня — она же Бабаня — восседала на высокой табуретке у микроволновки. Дожидаясь, пока разогреется цыпленок с картошкой фри из магазина «Готовая еда», Бабаня слушала партию горбуна и дирижировала разделочным ножом. Правильных бабушек нынче осталось мало. Они вымерли, как мамонты. Тому, кто считает, что бабушки пятидесяти двух

лет должны ходить в платочках и весь день колдовать у плиты, пора сдать свое воображение на свалку.

Бабаня с удивлением уставилась на Мефодия. Слушая «Нотр-Дам», она пропустила момент, когда он пришел.

— Привет, Меф! Рада тебя видеть! — сказала она.

От ее головы оторвалось и распространилось по комнате слабо-желтое свечение с некоторыми зелеными вкраплениями. «Не то чтобы, конечно, совсем в восторге, но рада!» — не задумываясь, как он это делает, расшифровал Мефодий. Он дождался, пока свечение перестанет быть частью Бабани и распространится по комнате, затем втянул его и ощутил, что стал сильнее. Может, на какую-то миллионную часть от того, что было прежде, но все же... И опять это случилось инстинктивно, без вмешательства разума. Просто Мефодий понял, что все так и есть, а как он это делает и зачем — осталось за кадром. Когда мы дышим, мы не задумываемся о том, что дышим. Мы дышим даже во сне. Мы дышали бы, даже не зная, что существует дыхание. Так и Мефодий не подозревал, что вбирает энергию чужих эмоций.

— Меф, иди сюда, мой лохматик! Я тебя обниму! — проговорила Бабаня.

— Запросто! Только ножик положите! — сказал Мефодий. Бабаню он любил.

Бабаня не без интереса посмотрела на нож в

Дмитрий Емец

своей руке. Кажется, она уже успела забыть, что держит его, хотя совсем недавно вскрывала им упаковку. Волосы Бабани чем-то смахивали на волосы Медузии, хотя с Медузией она была не в родстве, да и вообще встречаться им не приходилось.

— Говорят, весной у многих психов случается рецидив. По улицам начинают бродить табуны ма-
ньяков, — задумчиво произнесла она.

— Бабань, уже почти май. А крыша едет в мар-
те, — сказала Ирка.

— А вот и нет. Это у тебя в марте, а у меня она едет каждый день. Особенно когда все кидаются на явно неудачное платье, а самое удачное висит в сторонке и мечтает о моли, — произнесла Бабаня.

У нее было маленькое ателье в полуподвале, которое она любила называть «Дом мод имени меня». Кроме самой Бабани в ее «Доме мод имени меня» работали еще две девчонки. Одна из них была страшная болтушка, а вторая все время болела, причем как-то так хитро, что ее никогда не оказывалось по домашнему телефону. Она всегда «пошла к доктору и еще не вернулась». «Я больше люблю вторую. От нее уши не болят», — говорила Бабаня.

— Бабань, Меф хочет есть! — сказала Ирка.

— Запросто, — кивнула Бабаня. — Где холодильник — знаете. С микроволновкой тоже разберетесь. А я пошла. К завтрашнему утру мне веле-
но сообразить такое свадебное платье, в котором следовательша, в третий раз выходящая замуж,

выглядела бы наивной, как регентша церковного хора.

— Ага, Бабань, хорошо! Мы разберемся! — сказала Ирка.

Она лучше Мефодия знала, что Бабаня не особенно любит готовить. Зато целыми тележками скупает в супермаркетах йогурты, колбасу, апельсины, заморозку в пакетах и готовые обеды. Для Мефодия же многое было в диковинку. Например, где это видано, чтобы верхний из отсеков морозильника был почти до половины забит мороженым и Бабаня даже не пыталась сосчитать, сколько там порций. Жадненький Эдя со своей привычкой расчерчивать карандашиком туалетную бумагу выпал бы в осадок, узнай он об этом.

Бабаня, напевая, ушла, а Мефодий и Ирка остались на кухне. Ничего разогреть они не стали. Ограничились тем, что извлекли из холодильника побольше мороженого и большую палку колбасы. Колбасу Мефодий профессионально постругал ножом — нахватался у Эдьки, который начинал поваром, — а потом стал есть мороженое, орудуя вместо ложки кружком копченой колбасы. Так ему казалось вкуснее.

— У тебя классная бабушка, — сказал Мефодий с набитым ртом.

— Вся в меня, — согласилась Ирка. — Только она терпеть не может, когда ее называют бабушкой. Ко мне тут училка новая пришла по русскому — они же ко мне домой ходят, ты знаешь — и

Дмитрий Емец

говорит ей: «Здравствуйте, бабушка!» А Бабаня рассердилась: «Это вы, — говорит, — бабушка, а я человек!»

— И то верно. Родители тоже люди. Что, они виноваты, что ли, что они родители? — подтвердил Мефодий.

Он вдруг вспомнил, как и при каких обстоятельствах познакомился два года назад с Ирккой. С одним своим приятелем — уже бывшим — он пробежал мимо ее подъезда в ту минуту, когда Ирка пыталась въехать на коляске на ступеньку перед подъездной дверью. Ирка, впервые выбравшаяся из дома без бабушки (потом ей за это влетело), соображала, как ей выйти из положения. Возможно, Мефодий вообще проскочил бы мимо, ничего не заметив, если бы не его приятель. Он стал ржать. Очень ему было смешно, что уродина на коляске никак не может попасть в подъезд — все время скатывается обратно.

Мефодий долго и внимательно, точно сравнивая их, смотрел то на приятеля, то на Ирку, которая изо всех сил делала вид, что ничего не слышит, хотя щеки и уши у нее были уже пунцовыми, а потом очень быстро и точно ударил приятеля в подбородок. Это тоже был (включая нарезку колбасы) урок Эди Хаврона, который до неудач с матрешками и буденновками года три прозанимался в секции бокса. «Бросай кулак без усилия, как камень. Сила удара в ноге и повороте корпуса», — учил он.

Удар получился неожиданно сильным. Мефодий едва не вывихнул кисть. Приятель осел на асфальт как мешок с навозом. Он сидел и тряс головой. В горле у него булькало не совсем еще затихшее ржание. После этого он, собственно, и перестал быть приятелем. Зато у Мефодия появился первый в жизни друг — Ирка.

Они сидели на кухне и ели мороженое, болтая о всяких пустяках. О том, что его выпроводила из дома Зозо, ожидавшая своего борова, Мефодий не сказал. Он терпеть не мог жаловаться. В том, кто жалуется, даже имея повод, изначально есть нечто жалкое — это он усвоил довольно давно. Ирка тоже никогда не жаловалась — и это объединяло их гораздо сильнее, чем если бы они при каждой встрече рыдали друг другу в жилетку.

— А как твой сон? — вдруг спросила Ирка.

Мефодий напрягся:

— Ты о том сне?

— Ага.

— Ну бывает иногда. Не очень часто, — неохотно признался он.

— Все те же?

— Да. Но мне не хочется об этом вспоминать.

Но все равно невольно вспомнил, и настроение сразу поползло вниз, как червяк, которому не понравилась Эйфелева башня. Это был один и тот же отвратительный сон, который он видел один-два раза в месяц. В этом сне он стоял перед глухо закрытым свинцовым саркофагом с оттиснутыми на

Дмитрий Емец

нем древними знаками и смотрел на него. Мефодий не знал, что там внутри, но ощущал, что нечто страшное, нечто такое, на что нельзя смотреть и что ни в коем случае не должно вырваться. Но при этом не мог отвести глаза. И самое ужасное, что под его взглядом свинец саркофага начинал плавиться. Но всякий раз Мефодий просыпался прежде, чем тому, что было в саркофаге, удавалось вырваться.

Однажды он даже закричал во сне, разбудив Зозо и Эдю. Эдя был так удивлен, что даже не ругался.

— Я тебя отлично понимаю, приятель! Мне самому снятся кошмары. Как-то приснилось, что мою ногу заказали к ужину с овощным рагу и при этом — просекаешь наглость? — потом все время морщились и утверждали, что мясо пережарено! — сказал тогда он.

Они еще немного поболтали, пока наконец около десяти Мефодию не позвонила Зозо:

— Иди домой. Я тебя жду.

— А *этот* уже укатил на своей тележке? — поинтересовался Мефодий.

— Откуда ты знаешь, что он... Все сорвалось. — Голос у Зозо был совсем убитый.

— Как это?

— Он приехал чуть раньше. Я была не готова и, чтобы выиграть время, попросила его смотаться в супермаркет купить белого вина. Ненавижу, когда люди без дела толкуются под дверью и мешают мне

краситься. Он поехал было, но почти сразу вернулся — злой, как ты с утра, когда я по привычке бужу тебя в воскресенье. Что-то там с его «Ауди»... Ну я его пустила, чтобы малость успокоить, согреть душевным теплом, и тут, вообрази, ему на глаза попала свадебная фотография твоего папаши, в которую Эдя кидает дротики для дартса. Он стал допытываться — и выудил, паразит такой, что у меня есть сын. Я сильно не отпиралась, все равно ведь узнает, даже показала ему кое-какие твои фотки. Кто знает, думаю, вдруг его прошибет на суровую мужскую дружбу. Совместный футбол там, рыбалка! Ни фига подобного, не прошибло! Он просидел около часа как на иголках, а потом ушел... Моя жизнь разбита! — голос Зозо возвысился до трагического Монблана и завис там, собираясь сорваться в бездну истерики.

— Ерунда, мам! Твоя жизнь разбивается раза три в месяц, а затем моментально срастается, — утешил ее Мефодий.

Он уже и счет потерял тому, сколько раз его мать встречалась с подержанными принцами из брачного журнальчика. И каждый раз все заканчивалось безобидным нулем, кроме одного случая, когда очередной принц стащил пафосную бронзовую пепельницу, которую Эдя, в свою очередь, уволок из кафе, где работал до «Дамских пальчиков». На другой день этот принц вернулся пьяным, долго барабанил в дверь, стремясь поговорить, и заснул прямо на площадке, положив буйную голо-

Дмитрий Емец

ву на коврик. Хорошо, что Эдя вернулся раньше и, мстя за пепельницу, изгнал Адама из рая прицельными пинками.

— Ты так думаешь? Ладно, забыли, — сказала Зозо печально.

Мефодий почувствовал, что в эту самую минуту она выдирает из сердца, комкала и выкидывала в мусорную корзину жирного борова.

— Ты сам дойдешь или тебя встретить? — В голосе Зозо явно звучало, что ей лень одеваться.

— С эскортом мотоциклистов, — сказал Мефодий.

— Ну, тогда сам. Я жду! У нас остался трофейный торт, — с облегчением вздохнула Зозо.

— Ты все, пошел? — поинтересовалась Ирка, когда Мефодий повесил трубку.

— Ага. Завтра заскочу после школы!

— Давай, пока! — кивнула Ирка с легкой завистью.

Она никогда не ходила в школу. Однако Мефодий порой чувствовал, что, занимаясь дома одна и с проходящими учителями, она обогнала его класса на два, не меньше. Во всяком случае, экзамены по некоторым предметам Ирка сдала уже за девять классов.

* * *

Мефодий пересек Северный бульвар и подошел к дому — на этот раз, ради разнообразия, с другой стороны. Здесь дорогу ему преградила огромная

лужи, поглощавшая талый снег окрестных дворов и изредка с наслаждением прихлебывавшая воду из прорванных труб. Ловким агентам по продаже недвижимости она давала повод утверждать, что дом находится в живописной местности рядом с прудом. Через лужу шла караванная тропа из кирпичей и досок, разбросанных с причудливыми интервалами.

В ровной черной поверхности лужи золотой монетой лежала луна. Изредка по ней пробегала едва заметная рябь. Мефодий посмотрел на луну — вначале в луже, а потом подняв лицо к небу, — и внезапно странное чувство охватило его. Ему почудилось, что он вбирает силу лунного света, напиваясь его спокойной мощью и мертвенной пустотой. Испугавшись, все же это было впервые, он опустил глаза и вдруг увидел, как, подчиняясь его взгляду, отражение луны скользит по луже, как пятно от карманного фонарика. По коже побежали мурашки. Он решил, что сходит с ума. Гонять взглядом луну как мячик! Рассказывать о таких вещах школьному психологу крайне опасно. Мефодий снова вскинул голову. Нет... большая луна, к счастью, оставалась на месте. Его взгляд управлял лишь лунным отражением. Меф потряс головой и несколько раз моргнул, отрывая лунное отражение от своего взгляда. Ему это удалось — отражение отлипло и продолжало купаться в темной воде уже само по себе.

«Померещилось!» — решил Мефодий, испы-

Дмитрий Емец

тывая одновременно облегчение и разочарование. Управлять отражением луны, конечно, жутковато, но одновременно в этом есть нечто такое, от чего трудно отказаться.

Перепрыгивая с кирпича на кирпич, он перебежал на другую сторону лужи и приблизился к подъезду.

Внезапно в сознании Мефодия точно зазвенел колокольчик. Это был особый колокольчик интуиции, которому Меф издавна привык доверять. Теперь этот звук ясно приказывал ему не входить в подъезд. Мефодий осмотрелся — все было как будто спокойно: ничего и никого. Однако колокольчик все равно не замолкал. «Что же мне — на шестнадцатый этаж по балконам лезть?» — растерянно подумал Мефодий. Он некоторое время помялся, а затем все же подошел к подъезду.

Он уже набрал код и даже услышал приглашающий писк домофона, когда сзади мелькнула чья-то тень и сильная рука сгребла Мефодия за ворот. Он попытался вцепиться в дверную ручку, но крепкий подзатыльник протолкнул его в подъезд. Спотыкаясь, полуоглушенный, он сделал несколько шагов.

— Ну наконец-то! Я думал, ты никогда не вернешься, щенок, — с торжеством сказал кто-то.

Мефодий уже по голосу узнал борова. В полутьме подъезда — горел только четырехугольник у лифтов и почтовых ящиков — его лицо казалось зеленоватым и опухшим. Мефодий морщился от

боли. Сильные пальцы борова так впивались ему в ключицу, словно хотели захватить ее с собой в качестве моральной компенсации.

Мефодия почти тошнило от красных волн ярости, которые распространял боров. Они накатывались, толкали его. Мефодий ощущал, что может вобрать их силу, но невольно отталкивал, отражал, ставил блок — оттого волны и разлетались с такими брызгами.

— Отпустите меня!

— Отпустить? Только с крыши головой вниз! Что ты сделал с моей машиной, сосунок?!

— С какой машиной? Я вообще не видел вашу машину! Не видел, кто проколол вам шины!

Мощная затрещина, от которой голова мотнулась в сторону, обожгла Мефодию щеку. Его встряхнули с удвоенной яростью и проволокли по ступенькам к лифтам. Мефодий сообразил, что допустил стратегическую ошибку. Он не мог не видеть автомобиль борова, ведь впервые они столкнулись именно около него. И уж тем более, будучи невиновным, он не мог знать, что шины вообще проколоты.

— А ну не вырывайся! Я из тебя все внутренности вытащу и на руку намотаю! Мы сейчас вместе пойдем к твоей чертовой мамаше, и я поговорю с ней по душам! Я возьму с вас втрое за каждую покрывку, а если денег нет, перебью у вас все в доме! — прохрипел боров. Он был так разозлен и с такой яростью удерживал вырывающегося Мефо-

Дмитрий Емец

дия, что никак не мог попасть пальцем на кнопку вызова лифта.

Наконец он нашарил ее. Но в ту минуту, как кнопка зажглась печальным красным глазом, чей-то спокойный голос произнес:

— Эй, ты, жертва принтера, оставь его!

Глава 2

СКОМОРОШЬЯ СЛОБОДКА

Мефодий и боров разом обернулись. Они не слышали ни хлопка подъездной двери, ни шагов, но на площадке у лифтов они были уже не одни. У почтовых ящиков, над которыми на стене было нацарапано загадочное «НУФА — СВЕНЯ!», стояла высокая, очень полная девица лет двадцати с серебристо-пепельными волосами. В руках у нее был трехслойный бутерброд, такой грандиозный, что все двойные гамбургеры в сравнении с ним показались бы жалкими закомплексованными недомерками. Однако девицу размеры бутерброда, видимо, ничуть не смущали. Она дирижировала им как маэстро палочкой, не забывая изредка откусывать приличные куски. Стоит добавить, что девица была в куртке из грубой кожи и в короткой юбке. Завершали туалет высокие сапоги — один красный, другой черный — и дутые браслеты в форме ящериц, глаза у которых были из сияющих камней.

— Эй, ты, прихлопнутый сканером! Кажется, я велела тебе отпустить мальчишку! Если ты этого не сделаешь, я засуну тебя внутрь провода занятого телефона! Ты у меня будешь странствовать от одного звука «пи» к другому звуку «пи»! Это говорю тебе я, Улита! — Девица угрожающе взмахнула бутербродом.

Боров засопел, переваривая сложную угрозу. В его тесной черепной коробке затеялся целый реслинг мотиваций, однако желание рассчитаться с Мефодием размазало по рингу возможность поставить на место наглуую девицу со странным именем.

— Не путайся под ногами! Этот малолетний уголовник проколол мне две отличные покрышки! — буркнул он, встряхивая Мефодия как грушу.

— Целых две покрышки? — ужаснулась Улита. — Мраку мрак! Мои соболезнования в связи с потерей механического родственника!

— Чего? — не въехал боров.

— Построй себе нерукотворный памятник! К нему не зарастет проезжая часть! — продолжала девица. Она явно глумилась и над боровом, и над Мефодием, и одновременно над собой. Такая вот круговая стрельба.

Куцые бровки «принца», гневно странствуя навстречу друг другу, образовали на лбу бульдожью складку.

— Прочь пошла, толстуха! — рявкнул он, угрожающе шагнув ей навстречу.

Дмитрий Емец

Этого делать не стоило, потому что тотчас девица шагнула к нему:

— Кто толстуха, я?! Почему мы, толстые люди, вечно обязаны слушать эти гадости?! Наши царственные пропорции пытаются опошлить самым подлым образом! И главное, от кого я это слышу? От Аполлона Бельведерского? От красавца Прометейя? От качка Геракла? Ничуть! От жалкой помеси поросенка с клавиатурой компьютера! От ходячего кладбища котлет! Сливного бачка для пивных банок, который промазывает кремом складки на своем диатезном пузе!

Боров гневно захрюкал. Девица загадочным образом попала в самое больное его место. Волоча за собой Мефодия, он метнулся к Улите. Показывая, как она испугалась, девица задрожала и, рухнув на колени и заломив руки, театрально завывала:

— Как ужасен взгляд его! Что за жуткие мысли таятся под этим низким угреватым лбом! Мамушки-нянюшки, где мой стилет? Я хочу заколоться! Заодно захватите ведро яда, если перо, как в прошлый раз, сломается о мое каменное сердце.

Для увеличения эффекта она хотела уронить бутерброд, но посмотрела на него и передумала.

— Короче, я угрызаюсь тоской и умираю в страшных судорогах! Считаю это выражением моего «фу»! — пояснила она обыденным голосом.

— Ты что, чокнутая, да? Истеричка? — испуганно спросил боров.

Его пальцы, так и не сомкнувшиеся на руке

Улиты, вхолостую загребали пространство, а серое вещество было перегружено непредсказуемым поведением странной особы. Мефодий, признаться, был удивлен ничуть не меньше, хотя в этом матче девица явно играла на его стороне. На самой щемящей душу ноте она вдруг встала на ноги и, брезгливо плюнув, отряхнула колени:

— Хамство какое! Играешь для них, стараешься — и хоть бы в ладоши кто хлопнул! Хоть бы один свин!.. Это и к тебе, Буслаев, относится! Тоже мне трагический подросток! Мефистофель из детского сада!

«Буслаев? Откуда она знает мою фамилию?» — удивился Мефодий, торопливо пытаясь припомнить, не встречал ли он девчонку в школе или во дворе. Да нет, едва ли. Версия же, что он мог попросту не обратить на нее внимания, отпадала сразу. Такие броские и масштабные особы не прячутся за горшком с кактусом, хотя порой и отсиживаются где-нибудь в темном уголке поточной аудитории, листая на коленях модный журнальчик.

Подошедший лифт натужно распахнул дверцы. Боров стал с силой проталкивать в него Мефодия. Тот попытался вырваться и заработал хороший тычок кулаком сзади по ребрам.

— Ты кого бьешь, подставка для лысины?! Ты вообще в курсе, что я с тобой сейчас сделаю? — мрачно спросила Улита, и двери лифта захлопнулись гораздо быстрее обычного.

Дмитрий Емец

Боров оглянулся.

— Машину он твою изувечил? — продолжала Улита. — Да, ксерокс недоделанный? Отлично! Так я еще добавлю!

Не откладывая своей угрозы, она дунула на ладонь. Со двора отчетливо донесся звук бьющегося автомобильного стекла. Жалуясь на судьбу-судьбинушку, заплакала сигнализация.

— Пуф! Ой-ой-ой, какой вандализм! — ужаснулась Улита и дунула на ладонь еще раз. На этот раз — судя по звуку — досталось лобовому стеклу.

Мефодий не испытал почему-то ни малейшего удивления. Он только подумал, что, если бы Улита вместо того, чтобы подуть на ладонь, сделала движение, которым ловят брошенные ключи, и при этом волнообразно повела плечами, как в индийских танцах, машину сплющило бы так, как если бы на нее с Крымского моста спрыгнул бегемот-самоубийца. «Магия движения» — так это, кажется, называется. Подумав об этом, Мефодий слегка удивился собственной осведомленности.

Зато боров был просто в шоке. Он с недоверчивым ужасом взглянул на Улиту, а затем, буксируя за собой сопротивляющегося Мефодия, кинулся на улицу. Осколки стекла только-только перестали прыгать по асфальту. Сирена уже не выла, а лишь тихо всхлипывала. Лицо борова три или четыре раза поменяло цвет. Он был и напуган, и растерян, и взбешен. Все смешалось в доме Облонских.

— Это ты... это все ты, дрянь! Я знаю! — зарычал он.

Пепельная девица, лениво вышедшая вслед за ними, поморщилась и коснулась длинным ногтем ушной раковины:

— Утихни, дуся! Не искушай меня без нужды возвратом нежности твоей! Проще говоря, заткни фонтан!

— ЧТО?! Ты... ты!.. Я тебя прикончу!

Улита пожала плечами:

— Поменяй звуковую плату, гражданчик! Говорить, конечно, нужно вслух, но не настолько же! Ну я, не я — какая разница? Стоит ли вдаваться в детали? С философской точки зрения это все такой мизер!

Быку показали новую красную тряпку. Боров отшвырнул Мефодия и шагнул к Улите. Его выпуклые глаза стали злобными и бессмысленными, словно в них плескался целый батальон инфузорий-туфелек.

— Я... Да ты...

— Спокойнее, папаша! Инфаркт не дремлет!.. Ого, меня, кажется, собираются убивать на месте! Может, поцелуешь перед смертью, а, дядя Дездемон? Как насчет огневой ласки? И обжечь, и опалить? А, старый факс? Или батарейки сели? — лениво поинтересовалась Улита.

— Да ты понимаешь, с кем связалась?! Кого дразнишь?! Да я из тебя душу выну! — захрипел боров.

Дмитрий Емец

— Ах, если бы было что вынимать... — вздохнула Улита.

В глазах у нее, как показалось Мефодию, мелькнула непонятная грусть. Но это продолжалось совсем недолго, до тех лишь пор, пока боров, накручивая себя, не прохрипел самую заезженную и истертую фразу из когда-либо звучавших:

— Ты не знаешь, что я с тобой сделаю!

— Звучит многообещающе, пупсик! А я уж подумала, что ты любишь только малолетних избивать! — хрипло промурлыкала девица и внезапно, хотя Мефодий готов был поклясться, что она не сделала и шага, оказалась совсем рядом.

Ее полные руки с какой-то леденящей силой легли несчастному жениху на плечи.

— Давненько мне не признавался в любви никто из живых! Как ты относишься к женщинам-вамп? Надеюсь, они в твоем вкусе? — спросила Улита со странной многозначительностью.

Пухлые губы раздвинулись. Боров ощутил, как слепой, дикий ужас наполняет его тело.

Что было там, за губами, Мефодий не заметил, но автоманьяк захрипел и как-то сразу морально обмяк. Он стал похож на свинку, к которой в загончик пришел задумчивый мясник с ромашкой за ухом. Обворожительно улыбаясь, Улита притянула его к себе, настойчиво и глумливо требуя поцелуя, на что жертва факса отвечала лишь жалким скулежом.

— Смотри, Меф! Похоже, в Датском королев-